

Новый мир – новые подходы

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА – ПОЛИТИКА ВЛИЯНИЯ НА МАССЫ.

Культура народа и культура масс

(Окончание. Начало в № 3 2009 г.)

О.И. Карпухин¹, Э.Ф. Макаревич²

THE CULTURAL POLICY AS A POLICY OF
PUBLIC INFLUENCE

Culture of the people and the culture of public

(The end. Beginning in # 3 2009)

O. I. Karpukhin, E. F. Makarevich

Цели и принципы культурной политики

При всей самоценности культуры как особого общественного явления речь не может идти о единой культурной политике, пригодной для всех времен и народов. В каждом конкретном случае ее разработка и определение опираются на конкретно-исторический анализ сложившейся социокультурной ситуации.

Учитывая региональную и этническую пестроту культурного пространства России, важно при определении федеральной культурной по-

¹ Карпухин Олег Иванович – доктор социологических наук, профессор, советник Председателя Совета Федерации ФС РФ, Заслуженный деятель науки РФ, член редакционного совета журнала «Новые исследования Тувы».

² Макаревич Эдуард Федорович – доктор социологических наук, профессор кафедры культурологии Московского гуманитарного университета.

литики исходить из некоторых универсальных в своей общечеловечности норм и принципов. В отличие от общих деклараций, нормы и принципы культурной политики, сформулированные в виде основополагающих ценностей (идей), составляют ее своеобразный духовно-нравственный стержень, скрепляющий локальные культуры в их конструктивном взаимодействии в «единое культурное пространство».

Назовем основные, на наш взгляд, ориентиры культурной политики государства, которые одновременно являлись бы критериями ее эффективности.

1. Принцип открытости и демократизма структурирования культурной политики в соответствии с теми культурными нормами, которые определяются целями общественного развития, национальными и историко-культурными традициями, спецификой полиэтнизма российского государства.

2. Преимущество, эволюционность культурного развития, равенство прав и возможностей всех граждан и социальных групп в создании и использовании материальных и духовных ценностей.

3. Принцип регулирующей роли культурной политики государства в формировании социокультурной ситуации: реализация культурной политики через систему надведомственного общественно-государственного регулирования мер, препятствующих дальнейшему социальному расслоению.

4. Принцип многосубъектности и многообъектности структурирования культурной политики государства: максимальный учет культурной самобытности людей, различных локальных и территориальных сообществ, ассоциированный характер деятельности субъектов культурной политики через взаимосогласование их интересов в рамках единого культурного пространства.

5. Принцип единого культурного пространства: единство и многообразии федеральных, региональных и местных программ социокультурного развития, согласованность интересов центра и регионов.

6. Принцип многоканальности финансирования при ведущей роли государственного бюджета.

7. Принцип соблюдения государством правовых и экономических гарантий в сфере культуры.

8. Принцип структурной целостности: соответствие целей и задач культурной политики организационно-финансовому механизму ее реализации.

Важно, чтобы вышеназванные принципы могли быть проведены на всех уровнях как формирования, так и практического осуществления целей государственной культурной политики.

К таковым, на наш взгляд, могут быть отнесены: 1) свобода культуротворческой деятельности людей; 2) многообразие и равенство культур, диалогичность их взаимодействия; 3) органичное сочетание культурной самобытности с общими для страны и человечества представлениями о культурных ценностях и культурном развитии; 4) защита культуры как самоценности, как важнейшего проявления общественного прогресса; 5) сохранение и оздоровление социокультурной и экологической среды жизни человека; 6) доступность культурных благ широким массам населения; 7) широкое внедрение культуры в системы воспитания подрастающего поколения — дошкольную, школьную и вузовскую.

Значимость этих и других принципов и целей в определении культурной политики подтверждается опытом культурного развития многих стран, в том числе достигших весьма заметных положительных результатов на данном поприще. Культура в современном обществе все чаще рассматривается не как привилегия избранных лиц и групп, не как «дополнительная роскошь», а как один из основных параметров качества жизни

и общественного благосостояния¹. Не случайно культурная политика выступает здесь составной частью общей государственной политики, что проистекает из понимания неразрывной связи культурного и всеобщего развития (экономического, социального, технологического). При этом подчеркивается, что культурное развитие «означает развитие человека», а потому оно «есть одновременно и средство, и цель экономического развития»². Взаимосвязь здесь такова, что развитие экономического прогресса в целом отражается положительно на культуре, что, в свою очередь, стимулирует экономический рост.

Понимание особой значимости культуры в общем развитии страны, практическое следование необходимости «приспособить мир к человеку», а не наоборот, исповедование гуманистической нормы об исключительной ценности и уникальности человеческой личности — все это находит отражение в вышеприведенной формулировке.

Признание права граждан на культуру обязывает государство предоставлять им средства для осуществления этого права. Поэтому в поле внимания правительств многих западных стран постоянно находятся такие вопросы, как облегчение доступа к учреждениям культуры новых участников, устранение экономических барьеров, регулирование цен на культурные услуги, организация и использование эффективной информации о событиях культурной жизни.

С учетом того, что основной проблемой современного состояния культуры в Российской Федерации является отрыв широких слоев населения от накопленного культурного потенциала, обоснованно считать главной целью культурной политики расширение участия населения в культурной жизни страны. При этом, безусловно, важно учитывать как количественные, так и качественные показатели такого участия. Сегодня по целому ряду позиций эти показатели чрезвычайно низки, что ведет к дальнейшему усугублению кризисных явлений в сфере культуры. Опыт

Запада между тем подсказывает, что не существует иного способа выведения страны из состояния культурного одичания, как широкое использование различных и, прежде всего, финансовых, организационно-правовых рычагов стимулирования культуротворческой деятельности.

Широкий доступ граждан к культурным ценностям, участие в их производстве и потреблении могут быть обеспечены на базе создания в России разнообразного по своим возможностям рынка культурных услуг, опирающегося не только на государственную, но и на общественную и частную инициативу и поддержку. Сама по себе культура нигде и никогда не была и не является самодостаточной в смысле выживания.

Не будучи включенной в систему экономических и социальных процессов, образующих современное общество, культура обрекает себя на положение вечной нищенки. Задача сегодня состоит в том, чтобы овладеть менеджментом в культуре, научиться использовать рыночные механизмы в ее интересах и для ее блага, что предполагает и определенные ограничения на использование коммерческих механизмов «рыночной саморегуляции» в области культуры, использование рыночных отношений как вспомогательного инструмента в структуре культурной политики поможет преодолеть традиционное для российской действительности размежевание между экономикой и культурой.

Модель новой культурной политики должна предусматривать переход от «остаточной» к приоритетной схеме экономического обеспечения развития культуры, использование с этой целью различных механизмов, в том числе прямого и косвенного налогообложения предприятий, ценообразования, расширения доходов за счет нетрадиционных источников, поощрения спонсорства и меценатства и др. Естественно, следует помнить, что существуют такие культурные институты, которые наиболее эффективно и стабильно могут финансироваться только из госбюд-

жета. Определение таких приоритетов — важная задача государственной культурной политики.

Концептуально важным и исходным моментом во всей этой работе должно быть понимание того, что фокусом культурного развития и его своеобразным результатом является человек. Важно, чтобы логика экономических реформ соответствовала главному приоритету – человеку – его физическому и духовно-нравственному здоровью, его свободной творческой самореализации. Учитывая характер проводимых реформ в экономике, большинство россиян, на наш взгляд, признает тот факт, что свободным человека делает только собственность и достаток. Никто в принципе не возражает против устройства общества как совокупности взаимодействующих свободных и обеспеченных личностей, направляющих энергию своих способностей на достижение не только собственного, но и общего блага. Проблема лишь в том, что на практике в экономическом реформировании мы не только не приближаемся к цивилизованным рыночным отношениям, но постоянно уходим в сторону от цели. В результате в тяжелейшем положении оказалась вся производственная сфера, наносится непоправимый урон культуре.

Культурная политика как фактор «снятия» отчуждения

Начавшаяся в Советском Союзе середине 80-х годов перестройка вызвала прилив огромной социальной энергии. Жажда реформ овладела советскими людьми, а в еще большей степени — стремление узнать наконец-то правду о том обществе, в котором они живут. В печати стали появляться публикации, раскрывающие истинное положение дел в различных сферах народного хозяйства, науки, культуры, образования и т. д. Опубликованные данные явно не соответствовали тому, о чем говорилось с трибун партийных съездов. Например, по данным ЮНЕСКО, СССР в середине 80-х годов находился лишь на двадцать пятом месте в

мире по некоторым показателям в сфере образования и культурной активности населения, 29-е место занимал по количеству музеев, 47-е — по производству бумаги. Выяснилось также, что симфонических оркестров в СССР в 20 раз меньше, чем, к примеру, в США, театры и музеи посещает менее 10% населения страны, концерты симфонической и камерной музыки — 1%. Быть может, это происходило потому, что в стране практически отсутствовало музыкальное образование: примерно, на 130 тысяч общеобразовательных школ было 50 тысяч учителей музыки, имеющих в большинстве своем лишь начальное музыкальное образование.

Кинотеатры уже тогда, в годы перестройки, превратились в коммерческие предприятия, деформирующие духовный мир миллионов людей, так как преподносили зрителю, как правило, поделки, далекие от настоящего искусства. При этом 76% доходов кинопроката давали не лучшие зарубежные фильмы. Массовое общественное сознание было поражено безразличием к культурному наследию. Рушились тысячи памятников культуры и истории, горели и гибли уникальные фонды библиотек. СССР не имел ничего сравнимого с грандиозными культурными центрами Кеннеди в США или Жоржа Помпиду в Париже, с библиотекой американского Конгресса. Поражала несопоставимость масштабов музейной сети в СССР и, например, во Франции и Англии. Американцы тогда тратили на образование 12% национального дохода, мы — в пересчете на конвертируемую валюту — 1%. Многократным было наше отставание и в области видеотехники. Библиотеки страны оказались заполнены миллионами томов литературы низкого художественного качества. Более двух миллиардов книг библиотечного фонда ни разу не были востребованы читателями.

Такова была картина духовной жизни страны, выявленная в результате анализа сложившейся к началу перестройки социокультурной ситуации. Разумеется, столь трагическое состояние культу-

ры складывалось в течение многих десятилетий и имело глубокие причины внутреннего и внешнего характера, связанные с особенностями текущего столетия.

История России в XX веке оказалась перенасыщена, как никогда прежде, войнами, революциями, социальными и природными катаклизмами. Стремительные изменения в социально-экономических укладах привели к агрессивным формам столкновения разных культур. Проходившее с конца XIX века в несколько этапов переселение огромных масс народа из деревни в город означало не просто смену жительства, а переход миллионов людей из одной сложной системы культуры в другую. В результате оказался обедненным духовный мир как городского, так и сельского населения. Все это усугубилось особенностями общего развития культуры с начала века, характеризующимися преобладанием технократического типа мышления над гуманистическим. Достижения в научно-технической революции часто были не только вне поля духовных ценностей, но даже становились порой агрессивными по отношению к человеку.

Одну из самых глубоких внутренних, сущностных причин создавшегося положения в области культуры следует, на наш взгляд, искать в таком сложном социально-философском феномене, как отчуждение. В культуре это и сегодня одна из наиболее «злых» проблем российского общества. От степени ее объективного научно-социального осознания зависит эффективность культурной политики государства, которая уже по своему определению должна быть направлена на «снятие» отчуждения во всех сферах жизнедеятельности человека.

Отчуждение есть результат углубляющегося разделения труда, по мере усиления которого увеличивается разрыв между деятельностью человека и продуктами этой деятельности. Ощущения дискомфорта и «отстраненности» в труде усугубляются разрывом традиционных форм

социальности, основанных на патриархальных связях, сложившихся ценностных ориентациях.

Отчуждение в труде порождает изменение в жизненных мотивациях личности: они теряют социально-творческий характер, доминантой их развития становятся жажда потребительства, приспособления и агрессивная пассивность в форме иждивенчества. «Источник отчуждения, — пишет Б. Ерасов, — внешние человеку силы и обстоятельства, блокирующие осуществление его намерений и подрывающие его внутренние оценки внешнего мира и самого себя. Таким источником могут оказаться рынок и капитал, государство, бюрократический режим, а то и общество в целом как воплощение чуждых человеку норм поведения и образа мышления, сталкиваясь с которыми человек оказывается малозначительным «винтиком», целиком подчиненным общему механизму»³.

В социокультурном плане источником отчуждения является утрата идентификации личности, проявляемая, по наблюдениям Л.Ионина, как потеря способности вести себя так, чтобы реакции внешнего мира соответствовали намерениям и ожиданиям. «Человек видит, что мир перестает реагировать на его действия адекватным образом, — пишет Л. Г. Ионин, — человек как бы перестает отражаться в зеркале социального мира. Он становится неузнаваемым для самого себя»⁴.

В условиях переходного периода россиянин порой перестает узнавать себя в зеркале той социально-политической реальности, которая его окружает, — настолько она ему чужда и непонятна. И лишь в культуре, в ее народном и классическом варианте он еще находит источник своей национальной самоидентификации.

Отчуждение культуры — исторический процесс, включающий в себя разъединение, разрыв некогда единой, целостной синкретической культуры эпохи первобытности и варварства. "Синкретические куль-

туры первобытности и варварства едины. Они не знают разделения на профессиональное (артистическое) и непрофессиональное (народно-стихийное), на «высшее» и «низовое», на ученое и профанное искусство... С наступлением классового общества происходит (на прединдустриальной и индустриальной стадиях) исторически первое расслоение (со временем все углубляющееся) прежде единой культуры на «высшую» (профессиональную, ученую, в тенденции артистически индивидуализирующуюся) и «низкую», или фольклорную. Причем именно фольклор оказывается здесь хранителем первобытного синкретизма и коллективизма, живой памятью тех времен, как бы уходящей в некую предкультурную «почву»⁵.

Таким образом, расслоение культуры было следствием развития и углубления социальной формы отчуждения, появления частной формы собственности, роста классовых антагонизмов.

Каждый конкретный этап человеческой истории имеет свою форму социально-экономического духовного отчуждения. Особая форма отчуждения культуры присуща и социализму. Отчуждение при социализме так же неизбежно, как и при капитализме. Это не аномалия, а естественный процесс, свойственный достигнутому уровню развития общества, и охватывает он не только сферу экономики, но и сферу духовности, культуры. В условиях реального социализма сохранялось отчуждение труда, ибо трудящиеся массы отделены здесь от средств производства. Они ни юридически, ни фактически не являлись собственниками. Конечный результат их трудовой деятельности отчуждался от них в пользу различных министерств и ведомств, которые являлись распорядителями условий труда, монопольными владельцами практически всех природных ресурсов и производственного оборудования. Возникло и развилось отчуждение человека и от природы, нарушились связи в единой системе производительных сил: между тру-

дующимися и средствами производства, с одной стороны, и между человеком и природой — с другой.

Отчуждение охватывало процессы и производства, и потребления. Потребление фактически теряло свою самостоятельность, автономию и превращалось в придаток производства, ибо потребитель лишился возможности выбора, превращался в просителя, заложника производства. А официальная мораль, политика, пропаганда при этом навязывали обществу мнение об иждивенческой функции потребителя, который должен довольствоваться тем, что ему даст дефицит.

В то же время трудящиеся отчуждались и от своих трудовых коллективов, и от занятых в других сферах производства, от которых зависела их постоянная ритмичная производительная деятельность. Поэтому «часть» своего «недовольства», «враждебности» они переносят на работников транспорта, связи, снабжения, от кого непосредственно зависели их труд, условия жизни. Тем самым одни трудовые коллективы ставились в положение просителей-потребителей от других, а потому весь производственный процесс превращался в «надэкономический» цикл, где все было построено не на деловых технологических отношениях, а на отношениях просьб, мольбы и заклинаний. Так, экономические отношения подменялись личными, дедаческими, обличенными в форму соответствующей «деловой» нравственности.

В докладах и выступлениях, прозвучавших на I и II съездах народных депутатов СССР неоднократно подчеркивалась здравая мысль. Суть ее в том, что для углубления процессов революционного преобразования нашего общества необходимо было преодолеть отчуждение трудящихся: крестьян — от земли, рабочих — от средств производства. Для этого следовало осуществить радикальную социально-экономическую реформу, превратить трудящихся в подлинных хозяев,

коллективных собственников промышленных и сельскохозяйственных предприятий.

Дело в том, что в 20-е и особенно интенсивно в 30-е годы происходило не преодоление отчуждения крестьян от земли, а рабочих от средств производства, а его трансформация в новые формы. Конечно, для этого процесса имелись как социально-экономические, материально-технические, так и социально-культурные, духовные, идеологические основания. Низкий уровень развития производительных сил, доставшийся в наследство, полукрепостнические условия труда в сельском хозяйстве и некоторых отраслях промышленности способствовали сохранению отчуждения.

Революция по сути своей должна была ликвидировать старые, крайне обременительные для большинства населения царской России формы отчуждения труда. Однако печально знаменитая в первые послереволюционные годы продразверстка фактически стала новой и тоже весьма обременительной формой отчуждения. Она имела место не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности, где особенно заметно дала о себе знать в 30-е годы. Но все-таки не это самое главное. Отчуждение при социализме не только сохранялось, но и развивалось прежде всего в связи с тем, что для него имелись духовные, социокультурные основания. Низкий уровень духовности подавляющего большинства масс в сочетании с бурными, организованными и четко направляемыми кампаниями политической активности, ориентированными на разжигание классовой ненависти ко всему «чуждому», «буржуазному», «интеллигентскому» привели к тому, что трудящиеся даже не заметили (а могли ли они это сделать?), как они стали отчуждены от «своих» же промышленных и сельскохозяйственных предприятий, от «своих» же «народной» собственности и власти, как произошло полное

и окончательное огосударствление всех сфер жизни общества, включая духовную.

Отчуждение труда при социализме было неизбежно. Это результат не только экономического, доставшегося в наследство от капитализма отчуждения, но и итог культурного оскудения. На наш взгляд, именно низкая культура привела к тому, что человек труда даже не заметил отчуждения, не понял того, что с ним произошло, как и когда это случилось. Он стал жертвой той формы идеологического воздействия, появление которой в конце жизни заметил В. И. Ленин и об опасности последствий которой своевременно предупредил партию и народ, это идеология «пролеткульта», предназначенная для того, чтобы отделить широкие народные массы от интеллигенции — от мировой и отечественной. Классовая борьба, разжигаемая идеологами пролеткульта в обществе, была направлена не только против культуры, но и против самого пролетариата, ибо одурманивала его сознание слепой ненавистью ко всему «не нашему», «не пролетарскому» по своему происхождению, порождала в его сознании несуществующий образ врага, идеологического диверсанта.

В 20-е – 30-е годы были созданы культурно-просветительные учреждения, которые превратили творческую деятельность в «культурно-просветительскую работу», призванную повышать уровень духовного «обслуживания» населения, т. е. заполнять досуг культурными поделками, называемыми результатами «народного творчества». Произошла дифференциация, точнее — «элитаризация»: для одних по-прежнему были доступны театры, концерты, для других — клуб на долгие годы стал единственным «очагом культуры», если учесть, что он «культурно» обслуживал преимущественно тех, кто постоянно проживал в общежитиях, т. е. в антисоциальных и антикультурных условиях.

Трагические последствия для экономики и особенно для культуры имели постоянно нарастающие, практически никем не регулируемые и никак не сдерживаемые лавинообразные потоки миграции миллионов людей из деревень и небольших поселений в большие города. Это неизбежно вело к утрате старой традиционной культуры, ломке привычного образа жизни и хозяйственного уклада, к волонтаристскому насаждению новой городской «индустриальной» культуры. Люди из деревни, вырванные из социального и культурного контекста привычных для них, веками складывавшихся отношений, связей, традиций, теряя старую культуру, не приобретали новую; приобщение к городу носило формальный, внешний, приспособительский характер, ибо переезжали они в город в поисках работы и хлеба, а не в поисках культуры. И без того малообразованная, малокультурная городская среда постоянно пополнялась многочисленными отрядами выходцев из деревни, быстро утрачивавших в новых условиях традиционные стереотипы психологии и идеологии деревенского образа жизни и столь же быстро усваивавших новые псевдогородские.

Следствием отчуждения культуры в духовной сфере общества стало то, что «кич» как никогда поразил профессиональное искусство, порождая в нем разнообразнейшие «узаконенные» формы. Он широко и, кажется, прочно завладел сферой досуга, включая в свою орбиту даже интеллигенцию.

Отчуждение культуры особенно ярко проявляется в судьбах фольклора. Из естественного состояния крестьянской культуры фольклор превращается в искусственное, заново созданное на профессиональной основе состояние. Почему? Потому что произошло отчуждение труда в результате насильственной индустриализации деревни, ее разрушительной коллективизации. Уничтожение патриархальных форм жизни и творчества в деревне привело к уничтожению фолькло-

ра, несмотря на все попытки реанимировать его — законсервировать «народные промыслы», возродить фольклорные танцевальные ансамбли и хоровые коллективы.

Таким образом, отчуждение современной культуры, обусловленное углубляющимся и обостряющимся процессом ее расслоения, расчленения на «высшую» — элитарную, и низшую — массовую, было исторически, социально-экономически и психологически запрограммировано.

Почва промежуточной массовой культуры, во многом ориентированной на примитив и «кич», в том, что она представляет мирозерцание людей, остро ощущающих свою общественную ненужность, «непригодность», культурную неполноценность, психологическую и экономическую неустроенность. Как правило, это люди, оторванные от своей «почвы», «малой родины», ушедшие в большие города в поисках материального благополучия, во имя которого готовы поступиться всем своим прошлым, окружающую городскую культуру они боятся, а порой и ненавидят, ибо относятся к ней как к чуждой (в социальном и психологическом отношениях) «интеллигентской» культуре, к которой им не «примкнуть» и которая их постоянно «отторгает». Эти люди с социальной и экономической неустроенностью, психологической незащищенностью и, как следствие этого, — агрессивные и нетерпимые, — чаще всего становятся желанными адептами «кича», «массовой культуры», «примитива».

Факты свидетельствуют, что процесс освоения культуры личностью всегда носил у нас фрагментарный, ситуативный характер, осуществлялся в прошлом, да и теперь, неквалифицированно, некомпетентно и привел в конечном итоге к дефициту духовности, породил пассивное потребительское отношение к культуре и к жизни. Люди в большинстве своем не подготовлены к восприятию художественных

произведений, а отсюда следует их увлечение примитивными «духовными» ценностями, «культурными» шлягерами.

Низкий уровень культурных притязаний, тяга определенной части взрослых и молодых людей к «развлекательной», точнее, просто примитивной культуре, уход от подлинной культуры к «потребительской», — свидетельства отчуждения культуры в наши дни.

Это проявляется и в «разъединении» культуры и образования: на протяжении многих десятилетий из средней и высшей школы, практически из всех детских дошкольных и школьных учреждений происходило методичное ее изгнание. Образование, лишённое культуры, перестает, как об этом говорит опыт человеческой цивилизации, им быть, становится чуждым личности и обществу, превращается в «ремесло», в систему средневекового натаскивания, в которой учитель выполняет функции «мастера», а ученик — «подмастерья»: один «вдалбливает» знания, другой их механически штудирует. Это ведет к тому, что и человек, и общество перестают испытывать потребность в образовании, основанном на подлинной духовности.

Изгнание из сферы образования культуры, а из средней школы преподавания искусства есть не что иное, как проявление идеологии пролеткульта, которую формально, на словах, отменили в 30-е годы, а на деле она и сегодня активно существует, подчинив в сфере образования процесс преподавания искусства.

В этом феномене отчуждения личности от «высокой» культуры проявляется одна из характерологических особенностей и современной социокультурной ситуации в российском обществе: очевиден явный приоритет коммуникации над культурой, когда происходит замещение культурных норм как результата воспитания и образования формами коммерциализованной стихии массовой культуры. Отсюда и определение потребителя такой культуры — «массовый коммуникант».

Сложившаяся социокультурная ситуация становится неуправляемой, свидетельствуя о непоследовательной и пассивной культурной политике. Государство словно утратило инстинкт духовного самосохранения, систему национально-культурных ценностей, которые в конечном счете и управляют обществом, являя собой цель, а не средство социальных преобразований.

Не случайно за последнее время в различного рода публикациях ученых и писателей обострился интерес к проблеме так называемого «дефицита» духовности в нашей жизни. Пишут о падении нравов, волне бескультурья, разлагающем влиянии «массовой» культуры на население, и прежде всего на молодежь. Размышления на эти темы ведутся, как правило, на «эмоциональном» уровне и зачастую не носят взвешенного аналитического характера. А ведь дефицит духовности непосредственно обусловлен процессом отчуждения культуры, ее деформациями, тем, что в течение ряда лет в ней имели место и голое администрирование, и остаточный принцип планирования; протекционизм, и другие, отнюдь не случайные проявления отчужденности. В этом отношении теоретическое осмысление проблемы отчуждения культуры представляется необходимым шагом в определении новой культурной политики государства.

«Задача полного «снятия» отчуждения, — писал выдающийся советский ученый Э. Ильенков, — совпадает с задачей создания таких условий непосредственного труда и образования, внутри которых каждый индивидуум — а не только некоторые — достигал бы подлинно современных высот духовно-теоретической технической и нравственной культуры. Ибо только в этом случае он становится подлинным, а не. формальным хозяином всего созданного в рамках «отчужденного» мира культуры»⁶.

Реализация вышеназванных условий на государственном уровне и есть, на наш взгляд, подлинно демократическая культурная политика, ибо лучший метод управления в культуре — не прямой, а опосредованный через создание необходимых социально-экономических и политических условий для самораскрытия сущностных сил человека.

¹ Чурбанов В. Б. Новая культурная политика или новая "культурная революция"? М.: РАО-Корпорация 1993.— Институт европейских гуманитарных программ, 1993. С. 38.

² Girant A. Cultural Development: Experiences and Policies. P., 1983. P. 122.

³ Ерасов Б. Социальная культурология. Пособие для студентов. В 2-х частях. М., 1994. С. 149.

⁴ Ионин Л. Идентификация и инсценировка // СОЦИС. № 4, 1995. С. 3-4.

⁵ Примитив и его место в художественной литературе нового и новейшего времени. М., 1983. С. 13.

⁶ Ильенков Э. Философия и культура. М., 1979. С. 83.